

А.О. Бороноев, А.Г. Янков

**ПОПКОВ Ю.В., КОСТЮК В.Г., ТУГУЖЕКОВА В.Н.
ЭТНОСЫ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
РЕФОРМ (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА).
НОВОСИБИРСК: НОНПАРЕЛЬ, 2003. — 128 с.**

В последнее время появляются работы, носящие обобщающий характер тенденций социальной, экономической жизни страны в реформенный период. Монография «Этносы в Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза)» относится к этому ряду и носит региональный и эмпирический характер. В ней обобщаются многолетние комплексные исследования проблем народов Сибири, осуществляемые сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН в рамках проекта «Народы Евразии в условиях современных реформ».

В монографии анализируются основные тенденции реформ и изменения в жизни и отношениях народов Сибири. Действительно, Сибирь обладает уникальной этносоциальной структурой: на ее территории проживают сотни больших и малых народов, которые относятся к категории коренных. В Сибири рядом можно увидеть шаманские, мусульманские и христианские обряды, традиционные юрты и чумы и современные заводы, центры информационных технологий. При кажущейся мозаичности жизненных укладов населения Сибири она представляет собой единое целое, объединив естественным образом расы, этносы, экономики, конфессии в идеологии сибирства. В Сибири сосредоточена большая часть национальных богатств России, при этом уровень жизни и качество жизни сибиряков ниже общероссийского. Социально-экономические реформы, происходящие с 1991 г., снизили уровень жизни населения страны, особенно это касается такого сложного в своей структуре, многоукладного региона, как Сибирь.

Монография подводит итог 13-летнему циклу реформ для коренных народов Сибири. Она основана на статистических данных, экспертных и массовых опросах в регионах Сибири и показывает целостную картину результатов реформирования.

В первой главе «Динамика и направленность изменения объективных условий жизни народов Сибири» на основе анализа дореформенных и пореформенных статистических данных авторы показывают снижение основных

показателей социально-экономической жизни Сибири. При этом происходит структурная перестройка отраслей промышленности, что соответственно будет оказывать влияние на будущее экономическое состояние. Экономика Сибири в большей степени становится сырьевой и транзитной. Произошло перераспределение занятого населения: уменьшилась доля работающих в производственной сфере и увеличилась доля работающих в непроизводственных сферах. В сельском хозяйстве происходит процесс натурализации производства — увеличение доли домохозяйств. Особенно негативно реформы отразились на коренных народах Сибири. Отсутствие целенаправленной государственной политики, направленной на поддержание хрупкого традиционного способа хозяйствования, приводит к более удручающим последствиям, чем в целом по России. Уменьшилась численность занятых аборигенов в 2000 г. по сравнению с 1990 г. на 28,4 %. Увеличение безработицы приводит к росту различных социальных патологий (преступность, алкоголизм, суицид, высокая младенческая смертность) и возвращению к натуральному хозяйству (разрушение товарного хозяйства). Также среди коренных народов происходит снижение (в 2000 г. по сравнению с 1990 г.) в 2, 1 раза рождаемости и увеличение смертности на 32 % (с. 32). Правда, среди коренных народов Сибири рождаемость остается выше, чем у русского населения. В целом, на основе объективных статистических показателей, вырисовывается достаточно пессимистическая картина: реформы принесли народам Сибири снижение уровня жизни.

Вторая глава «Общественное мнение народов Сибири о реформах» представляет экспертное мнение пяти титульных народов: алтайцев, хакасов, бурят, эвенков, тувинцев, а также русских о результатах проведенных реформ. Причем происходило сравнение мнений экспертов, живущих в городе и селе. Эксперты оценивали четыре сферы: социально-экономическую, социально-культурную, социально-политическую и социально-демографическую. Оценка результатов реформ в социально-экономической сфере жизни этносов Сибири в период реформ 1991–2001 г. носит сугубо отрицательный характер. По данным показателям более благополучно выглядит только показатель «предпринимательская активность», другие пять (квалификация работающих, жилищные условия, состояние с/х (традиционного) производства, занятость населения, денежные доходы населения) находятся в отрицательной зоне оценивания (с. 45, рис. 6).

Более благополучно оцениваются социально-культурные показатели. Это свидетельствует о повышении интереса к национально-культурным традициям этносов (верования, обряды, язык). При этом обращает на себя внимание тот факт, что эвенки чрезвычайно пессимистичны и все социально-культурные достижения реформ оценивают отрицательно, в отличие от других этносов (там же). Это может свидетельствовать о том, что палеоазиатские этносы, к которым относятся эвенки, в большей мере пострадали от реформ, поскольку их социально-экономическая, ценностная структура более «тоньше» и в большей мере зависит от внешних воздействий, в данном случае негативных, что не было учтено реформаторами. Буряты же, наоборот, оптимистичнее смотрят в будущее, чем другие этносы.

Оценка социально-демографических показателей периода реформ (уверенность в будущем, правонарушения, преступления, психологическое здоровье, здоровье населения, пьянство, наркотизация, здоровье детей, молодежи) также оценивается экспертами негативно (с. 51, рис. 7).

Примечательна оценка социально-политических показателей, которая также негативно оценивается экспертами (там же). Если состояние межнациональных отношений в основном оценивается как удовлетворительное, то другие показатели: участие в управлении государством, участие в местном самоуправлении, отношение к федеральным властям, отношение к местным властям — оценивается негативно. Это означает возрастающее отчуждение населения от власти при декларируемой демократизации общества. «Проводимые реформы не привели к декларируемой их идеологами демократизации общества: отчуждение людей от власти стало еще большим, чем в дореформенный период», — утверждают авторы (с. 51).

Констатация оценки настоящего должна сочетаться с прогнозированием. Поэтому экспертам предлагалось выбрать модели этносоциального развития аборигенных народов. Предлагалось выбрать три модели: традиционную — ориентированную на развитие традиционного хозяйства и культуры, модернистскую — ориентированную на развитие промышленности и бизнеса, смешанную — сочетание традиционного и модернистского. Большая часть экспертов выбрала именно третий вариант (с. 79, табл. 7). Не свидетельствует ли это о противоречивости мнений экспертов? Конечно, было бы идеально сохранить традиционную культуру и хозяйство и при этом развивать современную промышленность и бизнес.

Особенно ценным в исследовании, по нашему мнению, является анализ ценностных составляющих этносоциальных процессов. Основываясь на цивилизационном подходе, авторы присоединяются к мнению, что российская цивилизация — цивилизация евразийская, соединяющая славянские, тюрко-монгольские, циркумполярные (палеоазиатские) субцивилизационные черты. Соответственно, евразийская цивилизация синтезирует цивилизации Запада и Востока. Проверая наличие данного синтеза, авторы, думается, выбирают не верный методический прием, а именно выбор дихотомий (выбор альтернатив), различий, присущих Западу и Востоку (с. 90). Как можно выявить синтетическую сущность евразийской цивилизации, если перед респондентами ставится задача выбрать или черты Востока или черты Запада? Общие результаты таковы, что по 11 из 12 представленных цивилизационных дихотомий (с. 92–93, табл. 11) наблюдается сходство русских и хакасов, что говорит о принадлежности их к «общероссийской евразийской цивилизации» (с. 91). Но отсюда скорее можно сделать иной вывод, а именно, что русские принадлежат к восточной цивилизации, поскольку в большинстве выбрали восточную альтернативу. По представленной таблице результатов выбора альтернатив видно, что различия между русскими и хакасами прослеживаются не только по одной альтернативе (предпочтение своей национальности в органах власти), как утверждают авторы, а еще по двум. Во-первых, по дихотомии «Для сохранения и развития моего народа в данное время надо больше внимания уделять»: русские считают промышленно-

сти — 44 % (хакасы 17 %), хакасы — сельскому хозяйству — 75 % (русские 49 %). Во-вторых, по альтернативе «Для успешного развития страны сейчас нужно»: русские ориентированы на конкуренцию, предпринимательство, рынок — 31 % (хакасы 19 %), хакасы — вернуться к плановой экономике — 20 % (русские 14 %). При этом в рамках этой дихотомии существует третья альтернатива — усиление роли государства в экономике, которой большинство респондентов отдало предпочтение: русские 52 %, хакасы 55 %. С нашей точки зрения, данные результаты свидетельствуют о существовании некоторых этнических различий в представлениях о путях развития народов и страны.

Делая выводы, авторы справедливо констатируют, что реформы 1991–2001 гг. негативно сказались на социальной, экономической жизни страны и Сибири в частности. Для россиян и, особенно, для сибиряков «главная проблема народов — как выжить, а не как построить рынок или демократию» (с. 65). Отсюда авторы задают справедливый вопрос: «Что же является основой для легитимизации курса реформ?» (с. 122). Отвечая на данный вопрос, авторы приходят к выводу, что выборы законодательной и исполнительной властей как механизм волеизъявления поддержки того или иного политического курса должны дополняться массовыми репрезентативными опросами (с. 123).

В настоящее время разворачивается новый этап реформ, непопулярных и непредсказуемых в своих последствиях. В том числе политическая реформа, которая в определенной степени устраняет сам вопрос о легитимизации курса реформ (замена всенародных выборов губернаторов фактическим назначением). Следовательно, основой легитимности реформ будет являться мнение руководства различного уровня и ранга. Кроме того, в начале второго периода реформ вынашивается опасная идея ликвидации национальных автономий, что приведет к исчезновению самих понятий «титовская нация, коренной народ».

Общая идея исследования заключается не в тотальной критике и показе негативных результатов реформирования, а в том, что любое реформирование необходимо проводить при учете мнения народов и при их поддержке. Иначе, получается: хотели, как лучше, а... В целом можно сказать, что выход в свет данной монографии является примечательным событием в научной жизни России и Сибири.